

«DER ERSTORBENE ULMBAUM» ГЕРДЕРА КАК ИСТОЧНИК СТИХОТВОРЕНИЯ К.Н. БАТЮШКОВА «ЯВОР К ПРОХОЖЕМУ»

Д.И. Мишина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dashunchik.mishina@gmail.com*

Аннотация: В настоящей работе рассматривается стихотворение К.Н. Батюшкова «Явор к прохожему» из цикла «Подражания древним», предназначенного для брошюры «О греческой антологии». Основу стихотворения составляет сюжет о любви платана и виноградной лозы, восходящий к эпиграмме Антипатра Сидонского. Батюшков, не владевший древнегреческим языком, при создании стихотворения пользовался переводом эпиграммы на французский язык, выполненным С.С. Уваровым. В связи с этим предпринимается попытка проследить характер трансформаций, произошедших вследствие наличия текста-посредника. Сопоставление стихотворения Батюшкова с французским переводом позволило предположить, что, помимо текста Уварова, поэт располагал и другими источниками. Аргументируется гипотеза о том, что при работе над стихотворением «Явор к прохожему» Батюшков также пользовался и сборником Гердера «Blumen aus der griechischen Anthologie» («Цветы из греческой антологии»), в который вошла интересующая нас эпиграмма Антипатра. Сравнение стихотворения Батюшкова с французским и немецким переводами показало, что в интерпретации Батюшкова и Гердера сюжет из древнегреческой эпиграммы истолковывается как иллюстрация дружбы, преодолевающей смерть. Напротив, Уваров в своем переводе трактует отношения лозы и платана как любовные, в чем следует непосредственно оригиналу. Это позволяет сделать вывод, что при написании стихотворения Батюшков опирался не только на французское переложение Уварова, но и на немецкий перевод Гердера.

Ключевые слова: поэзия XIX века; древнегреческая эпиграмма; переводческие трансформации; Гердер; мотив; эмблематика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-13

Для цитирования: Мишина Д.И. «Der erstorbene Ulmbaum» Гердера как источник стихотворения К.Н. Батюшкова «Явор к прохожему» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 166–176.

“DER ERSTORBENE ULMBAUM” BY HERDER AS A SOURCE OF K.N. BATYUSHKOV’S POEM “THE SYCAMORE TO A PASSER-BY”

Daria I. Mishina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
dashunchik.mishina@gmail.com*

Abstract: This work examines K.N. Batyushkov’s poem “The Sycamore to a Passer-by” from the cycle “Imitations of the Ancients”, which was meant for the brochure “On the Greek Anthology”. The poem is based on an epigram by Antipater of Sidon about the love of a plane tree and a vine. Batyushkov, who had no command of Ancient Greek, used the translation of the epigram into French by S.S. Uvarov. Our work attempts to trace the nature of the transformations that occurred due to the intermediary text. A comparison of Batyushkov’s poem with the French translation suggested that the poet had other sources besides Uvarov’s text. The paper proves that Batyushkov used the German version of Antipater’s epigram from Herder’s collection “Blumen aus der Griechischen Anthologie” (“The Flowers from the Greek Anthology”) while working on the poem “The Sycamore to a Passer-by”. An analysis of Batyushkov’s poem, French and German translations has revealed that in the interpretations of both Batyushkov and Herder the plot of the ancient Greek epigram is understood as an illustration of friendship overcoming death. On the contrary, Uvarov, in his translation, interprets the relationship between the vine and sycamore as love, which directly follows from the original. This leads us to conclude that when writing the poem, Batyushkov relied not only on the French translation by Uvarov, but also on the German translation by Herder.

Keywords: poetry of the 19th century; ancient Greek epigram; translation transformations; Herder; motif; emblematics

For citation: Mishina D.I. (2026) “Der erstorbene Ulmbaum” by Herder as a Source of K.N. Batyushkov’s Poem “The Sycamore to a Passer-by”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 166–176.

В первой половине 1820 г. Д.В. Дашковым была издана брошюра С.С. Уварова и К.Н. Батюшкова «О греческой антологии». Ее появление во многом было обусловлено литературной полемикой 1810-х гг. о выборе стихотворного размера для перевода «Илиады», который мог бы быть адекватным эквивалентом античного гекзаметра и не противоречить природе русского языка. Брошюра открывалась статьей, в которой излагались взгляды авторов на принципы перевода античных текстов, имевшие в контексте предшествующих споров программное значение. Основной пафос статьи сводился к различению античного мироощущения и мировоззрения человека нового времени. Уваров и Батюшков обращали внимание на отражение в поэзии «народного духа» древних, который можно понять, только

если «смотреть на нее [антологию — Д.М.] глазами древних» [О греческой антологии 1820: 11]. Иллюстративным материалом брошюры послужили тринадцать стихотворений античных поэтов, русские переводы которых были включены в текст статьи.

Особого внимания заслуживает работа над переводами стихов, предназначенных для иллюстрирования образцов античной поэзии. Уваров осуществил перевод на французский язык оригинальных древнегреческих текстов из собрания Рихарда Брунка «*Analecta veterum poetarum graecorum*» 1772–1776 гг. [Кибальник 2012: 227]. Также Уварову была известна трехтомная «*Anthologia Graeca*» Фридриха Якобса, вышедшая в 1813–1817 гг. и сохранявшая порядок эпиграмм, принятый в Палатинской антологии. Тем не менее, все французские переводы, помещенные в «Прибавлении» к основному тексту брошюры, сопровождаются библиографическими указаниями на древнегреческие стихотворения из издания Брунка; на это же издание ссылается и сам Уваров: «...я стану держаться порядка Аналектов [т. е. «*Analecta veterum poetarum graecorum*» — Д.М.] Брунка» [О греческой антологии 1820: 19]. Батюшков же, не владевший греческим языком, переводил древнегреческие тексты с французских стихотворных переложений Уварова, и именно переводы Батюшкова были помещены в основной текст статьи из брошюры «О греческой антологии» для передачи духовной жизни древних.

Учитывая сложный характер творческой и переводческой работы, которая предшествовала изданию брошюры, небезосновательно предположить смысловые и стилистические сдвиги, сопровождающие, с одной стороны, перевод древнегреческого текста на французский язык Уваровым и, с другой стороны, русский стихотворный перевод Батюшкова с французских переложений его товарища по «Арзамасу». В этом контексте интересно четвертое стихотворение антологии с подзаголовком «Явор к прохожему». Отметим, что в брошюре стихотворение на французском сопровождается ошибочным библиографическим описанием оригинального текста из издания Брунка: там указано, что это XXXVII стихотворение Антипатра Сидонского, помещенное во втором томе на 16-й странице [О греческой антологии 1820: 40]. В действительности же его источником является XXXVIII эпиграмма, расположенная в издании Брунка на той же странице («*Αὔτην με πλατάνιστον ἐφερτύζουσα καλύπτει ἄμπελος...*») [*Analecta* 1773: 16]. Кроме того, в брунковском «*Analecta veterum poetarum graecorum*» автором эпиграммы назван Антипатр Сидонский; эта атрибуция сохранена в брошюре «О греческой антологии». Во втором томе «*Anthologia Graeca*», изданной в 1819 г., то есть за год до выхода брошюры Батюшкова и Уварова, эпиграмма также приписывается Антипатру Сидонскому [*Analecta*

1819: 115]. Сейчас же некоторые исследователи считают автором эпиграммы Антипатра Фессалоникского [The Greek Anthology 1916: 121]. Высказывалось мнение, что вопрос об атрибуции ряда эпиграмм тому или другому из поэтов-тезок не может быть разрешен [Gow 1954: 1].

Если осуществленные Батюшковым стилистические изменения объясняются поэтическими традициями 1810-х гг., то смысловые трансформации могут обуславливаться наличием текстов-посредников между стихотворением Батюшкова и эпиграммой Антипатра. Мы попытаемся выявить отличия стихотворения Батюшкова от древнегреческого оригинала и определить влияние текстов-посредников на характер осуществленных трансформаций. Сопоставляя «Явор к прохожему» с эпиграммой Антипатра, мы постараемся доказать, что Батюшков пользовался не только французским переводом Уварова, но и другим источником, а именно переложением на немецкий язык, выполненным Гердером.

Для начала обратимся к стихотворению Батюшкова. В центре сюжета — тема дружбы, не ослабевающей даже после смерти. Однако в эпиграмме Антипатра она отсутствует вовсе, и мораль сюжета о высохшем платане и поддерживавшей его виноградной лозе осмысляется через проблематику любви, не угасающей с прекращением земной жизни. В древнегреческом тексте читаем: «τοῖν μὲν τοι ἔλετα τιθηεῖσθω τις ἑταῖρην, ἥτις ἀμείψασθαι καὶ νέκυν οἶδε μόνη» [Analecta 1773: 16] («пусть же впоследствии другие будут окружены заботой такой подруги, которая, даже оставшись одна, возблагодарит мертвого» [здесь и далее перевод мой. — Д.М.]). Достаточно близок к оригиналу и перевод Алексеева: «Пусть же другие <...> на будущее время выбирают себе такую подругу, которая умела бы остаться в одиночестве благодарной и трупу» [Избранные эпиграммы 1896: 63]. Как видим, в эпиграмме Антипатра платан и виноградная лоза служат эмблемой любовных отношений. Красно речиво в этом контексте употребление слова «ἑταῖρα», которое переводится как «подруга», «спутница»; у Аристотеля и Аристофана оно встречается в значении «любовница» или «гетера». В переводе Батюшкова любовный контекст заменяется идеалом дружбы, понятым через призму сентименталистской традиции. Следует принимать во внимание, что Батюшков при работе над переводами ориентировался на выполненные Уваровым переложения на французский язык и смысловые деформации, допущенные им, отразились и в батюшковском стихотворении. В уваровском «Le platane sec au voyageur» находим характерные для сентименталистской эстетики формулы: «Si ton cœur est sensible et tendre, / Demande aux dieux, ô voyageur, / De trouver ici-bas un ami dont le cœur / Appartienne encor

à ta cendre» [О греческой антологии 1820: 40] («Если твое сердце чувствительно и нежно, попроси богов, путник, найти здесь друга, чье сердце по-прежнему принадлежало бы твоему праху»). Представляется, что текст Уварова допускает двоякое прочтение. С одной стороны, «чувствительному и нежному сердцу», являющемуся неизменным атрибутом элегического субъекта 1800–1810-х гг., чужды страсти, поэтому основополагающая в мироощущении сентиментализма категория чувствительности часто сопрягается не с темой любви, а именно с темой дружбы. Не случайно во многих текстах этого периода дружба позиционируется как непреходящая ценность человеческого существования, противопоставленная недолговечности любви и юности. С другой стороны, предшествующий финальным строкам уваровского стихотворения контекст допускает интерпретацию сюжета как аллегории любовных отношений («Je l'aimais autrefois, elle m'aime aujourd'hui» [О греческой антологии 1820: 40] — «Я любил ее когда-то, она любит меня сегодня»). В пользу этой трактовки говорит и избранная Уваровым флористическая метафорика, которая на грамматическом уровне позволяет осмыслить поддержку старого платана виноградной лозой как любовное чувство: во французском языке слово «vigne» относится к женскому роду, а «platanе», фигурирующий не в тексте стихотворения, а только в названии, — к мужскому; форма же «ami» может переводиться и как «друг», и как «любовник», что также предопределяет возможность разных интерпретаций.

Текст Батюшкова двух прочтений не допускает. Строки «Прохожий, если ты для дружества способен, / Чтоб друг твой моему был некогда подобен» [Батюшков 1934: 183] однозначно описывают дружбу, причем в ее сентименталистском изводе. Интересно, что, в отличие от Уварова, который с помощью грамматической категории рода «vigne» и «platanе» включает в описываемый сюжет любовную тематику, Батюшков устраняет оппозицию по роду. Так, поэт использует в качестве главных образов явор (м. р.) и виноград (м. р.), а не виноградную лозу (ж. р.), которая фигурирует у Антипатра, сохраняется у Уварова и косвенно указывает на отношения любви. Полагаем, что подобная переакцентировка осуществлена Батюшковым намеренно, что объясняется как литературной традицией, так и биографическим контекстом. В этом смысле аллегория винограда, обвивающего пень явора, который некогда давал ему «отрадную тень» [Батюшков 1934: 183], органично встраивается в сентименталистскую традицию. Более того, в эпиграмме, призванной, казалось бы, передать мироощущение древних, возникает характерный для элегической поэзии 1800–1810-х гг. топос могилы. В лирическую медитацию обыкновенно включаются темы любви и дружбы, при

этом дружеские узы могут быть противопоставлены недолговечности любви. Связь с поэтикой унылой элегии усиливается и образом прохожего, идущего мимо путника. Вспомним хрестоматийный образец кладбищенской элегии — «Сельское кладбище» Жуковского, завершающееся обращением к прохожему: «Прохожий, помолись над этою могилой» [Жуковский 1959: 33]. В этой же элегии Жуковского встречаем тему посмертной дружбы, отмеченную нами в стихотворении Батюшкова: «Для них наш мертвый прах <...> еще огнем любви для них воспламенен» [Жуковский 1959: 32]. Сравните с текстом стихотворения «Явор к прохожему»: «Чтоб друг твой <...> пепел твой любил, оставшись на земли» [Батюшков 1934: 183].

Таким образом, Батюшков в 1820 г. фактически реактивизирует сентиментальную концепцию дружбы и элегическую поэтику, что, на первый взгляд, входит в противоречие с основной задачей брошюры «О греческой антологии» — передать дух и нравы древних через их поэзию. Однако представляется, что обращение Уварова и Батюшкова к категориям актуальной литературной традиции было направлено на то, чтобы подчеркнуть вневременной характер поэзии древних. Так, в другом месте авторы брошюры «О греческой антологии» прямо заявляют о сходстве эпиграммы уже упомянутого Павла Силенциария с французскими мадригалами [О греческой антологии 1820: 34]. Относительно другой эпиграммы византийского поэта сказано, что она «носит печать времен новейших» [О греческой антологии 1820: 34].

В то же время мы предполагаем, что у Батюшкова на переключение из плана любви в план дружеских отношений повлиял немецкий перевод эпиграммы, осуществленный Гердером в его «Blumen aus der griechischen Anthologie», переизданных в 1818 г. в составе девятого тома венского издания «J.-G. Herders Sämmtliche Werke» и, несомненно, известных Батюшкову. Неслучайно, давая краткую справку об истории изучения поэзии древних, Батюшков и Уваров упоминают и переводы Гердера, которые «верны, но <...> не довольно гибки» [О греческой антологии 1820: 5]. Напомним, что написание стихотворений для брошюры «О греческой антологии» относится именно к этим годам — 1817–1818. Более того, работая в 1821 году над «Подражаниями древним», Батюшков обращается именно к гердеровским «Цветам из греческой антологии». Поэтому вполне обоснованно допустить не только знакомство Батюшкова с немецкими переводами эпиграмм Антипатра из сборника Гердера, но и принятие того ракурса раскрытия темы, который задает немецкий мыслитель. В «Der erstorbene Ulmbaum» Гердера прямо звучит тема дружбы: «O Wandrer, thue dem Freunde Gutes» [Herder 1785:74] («О странник, делай добро своему другу»), однако осмысливается она

не в контексте сентиментальной поэтики, а, как представляется, через призму христианского вероучения. Вместо платана, присутствующего в древнегреческом тексте, Гердер вводит образ вяза («Ulme»). Сюжет соединения вяза и виноградной лозы достаточно широко распространен в европейской культуре XVI–XVIII вв., особенно в литературе эпохи Ренессанса. Характерен данный мотив и для древнеримской поэзии, преимущественно эпохи Августа, при этом союз вяза и виноградной лозы воспринимался именно как любовный [Gil et al. 2004: 9–10]. Исключение составляет, пожалуй, только трактовка, данная в «Emblematum Liber» Андреа Альчиато, в которой союз вяза и виноградной лозы воплощает дружбу, продолжающуюся после смерти [Alciati 1594: 566–568]. Более популярным, тем не менее, оставался сюжетный инвариант, осмысленный в аспекте любовной проблематики. Гердер же, как нам кажется, переводя эпиграмму Антипатра, принимает во внимание интерпретацию данного сюжета, данную в христианской притче из «Подобий» «Пастыря» Ерма. В сочинении Ерма аллегория поддержки плодоносящим виноградным деревом бесплодного вяза связывается с молитвой бедного, которая помогает богатому. Как видим, в основе притчи лежит христианская этика любви к ближнему, отвечающая гуманистическим идеалам Гердера. Не случайно именно в его переводе появляется тема добра, совершение которого и обуславливает сохранение памяти о человеке даже после его смерти: «Wandrer, thue dem Freunde Gutes; es lohnet dich einst noch in dem Grabe mit Dank» [Herder 1785:74] («Странник, делай добро своему другу; когда-нибудь он воздаст тебе благодарность даже в могиле»). Это вполне созвучно финалу притчи Ерма: «Те и другие [бедные и богатые — Д.М.] участвуют в добром деле» [Писания 2008: 264–265]. В эпиграмме Антипатра и, соответственно, во французском переводе Уварова данный мотив отсутствует, а основанием для посмертного воздаяния служит обретение любящего сердца. В контексте выдвижения на первый план дружбы и отказа от мотива любви можно предположить, что при работе над своим переводом Батюшков пользовался не только текстом Уварова, но и переводом Гердера.

Наконец, представляются немаловажными и обстоятельства биографии самого Батюшкова, которые сделали для него актуальной проблему посмертной дружбы. В 1813 году во время сражения под Лейпцигом был убит Иван Александрович Петин, близкий друг и боевой товарищ Батюшкова. Смерть Петина стала для Батюшкова «тяжким ударом» [Майков 1887 Т. 1: 170]. Памяти своего погибшего товарища Батюшкова посвятил очерк «Воспоминание о Петине» (1815) и стихотворение «Тень друга» (1814). Последнее сопровождалось эпиграфом из «Смерти Цинтии» Проперция, вводящим тему

загробного существования, а в очерке мысль о памяти об усопшем, живущей в сердцах истинных друзей, созвучна финальным строкам из стихотворения Антипатра. Сравните: «Мы умираем, но зато память о нас долго живет в сердце друзей» [Батюшков 1885 Т. 2: 191] из «Воспоминаний о Петине» и «Чтоб друг твой <...> пепел твой любил, оставшись на земли» [Батюшков 1934: 183] из стихотворного переложения Батюшкова. Таким образом, тема посмертной дружбы приобретала для поэта значимость в свете личных переживаний. Поэтому есть основания полагать, что фрагмент «Явор к прохожему» может отражать его чувства, связанные со смертью Петина, память о котором воплотилась в творчестве Батюшкова.

Итак, нами были выделены основные семантические трансформации, которым подверглась эпиграмма Антипатра при переводе на другие языки и в обработке Батюшкова в частности. Уваров, переведивший стихотворение с греческого оригинала, сохраняет любовную тему античной эпиграммы, однако оперирует сентиментальными концептами «дружбы», «чувствительного сердца». Гердер заменяет платан, фигурировавший в греческом тексте, вязом, в чем видится следование европейской эмблематической традиции. Однако если в эмблематике поддержка старого вяза виноградной лозой прочитывалась в первую очередь как любовный сюжет, то Гердер заменяет отношения любви отношениями дружбы, в чем предполагается влияние гуманистических взглядов самого Гердера. Более того, в духе христианской этики сюжет умирающего вяза и виноградной лозы представлен в «Подобиях» (Similitudines) из «Пастыря» Ерма. У Батюшкова также отсутствуют намеки на любовь явора и винограда, что подчеркивается акцентированием именно темы «дружества» и заменой виноградной лозы (ж. р.) виноградом (м. р.), снимающей оппозицию вяза (м. р.) и винограда (м. р.) по роду.

Полагаем, что тема посмертной дружбы могла возникнуть у Батюшкова в связи с Петиним, памяти которого еще до выхода брошюры «О греческой антологии» Батюшков посвятил очерк и элегию «Тень друга». Однако, как нам кажется, на изменение смысла эпиграммы Антипатра, помимо личного восприятия образов явора и винограда, могло повлиять также знакомство Батюшкова с гердеровским переводом эпиграммы, в котором немецкий философ заменил любовный контекст отношениями дружбы. Поскольку Батюшков прекрасно владел немецким языком и при создании цикла «Подражания древним» в 1821 г. опирался на переводы Гердера из Эзопа, Саади и Павла Силенциария [Кибальник 2012: 233], его знакомство с изданием сочинений Гердера 1818 г. кажется очень вероятным. А с учетом того, что написание стихотворения «Явор к прохожему» относится к 1817–1818 гг., чтение немецкого перевода

греческой эпиграммы и рецепция гердеровской трактовки, оказавшейся Батюшкову более близкой, представляются тем более правдоподобными. Наконец, отметим, что Батюшков, пользуясь этим изданием Гердера в 1821 г., выполняет переводы эпиграмм из его третьей книги «Blumen, aus der Griechischen Anthologie gesammelt». Это «Das Gute des Lebens» Эзопа и «Die Schiffahrt des Lebens» Павла Силенциария из третьей книги «Цветов из греческой антологии» девятого тома сочинений Гердера 1818 г. Эпиграмма «Der erstorbene Ulmbaum», которая, как мы полагаем, оказала влияние на стихотворение Батюшкова «Явор к прохожему», заключает третью книгу «Цветов...» Гердера и расположена рядом с эпиграммами, переведенными Батюшковым позднее. Так, в данной книге эпиграмма Эзопа 36-я по счету, Павла Силенциария — 40-я, а «Der erstorbene Ulmbaum» — 43-я.

Таким образом, мы полагаем, что именно благодаря гердеровскому переводу Антипатра Батюшков увидел в античной эпиграмме не тему любви, а тему дружбы. В связи с этим можно утверждать, что при переводе древнегреческих эпиграмм на русский язык Батюшков пользовался не только французскими переложениями Уварова, но и немецким переводом Гердера. Кроме того, для Батюшкова тема посмертной дружбы и сохранения памяти о друге имела глубоко личный смысл, связанный с Петиным. Отсюда можно заключить, что реинтерпретация первоначального сюжета о виноградной лозе и платане отвечала и собственным переживаниям поэта. Прибавим к этому культ дружбы, который был характерной чертой поэтики 1800–1810-х гг. и постоянно варьировался как в элегиях, так и в дружеских посланиях. В этом отношении трактовка образов усыхающего дерева и виноградной лозы как аллегории дружбы вполне согласуется как с предшествующей литературной традицией, так и с обстоятельствами биографии самого Батюшкова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 2: Проза. СПб., 1885.
2. Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л. 1934.
3. [Батюшков К.Н., Уваров С. С.] О греческой антологии. СПб., 1820.
4. Жуковский В.А. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения. М.;Л., 1959.
5. Избранные эпиграммы греческой антологии / С греч. пер. В. Алексеев. СПб., 1896.
6. Кибальник С.А. Античная поэзия в России. XVIII — первая половина XIX века. Очерки. СПб., 2012.
7. Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения: В 3 т. Т. 1: О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова. Стихотворения. СПб., 1887. С. 1–360.
8. Писания мужей апостольских. М., 2008.
9. Analecta veterum poetarum graecorum / Ed. R. F. P. Brunck. T. II. Argentorati, 1773.

10. Andreae Alciati V. C. *Emblemata. Cum Claudii Minois Diuionensis ad eadem commentariis. Quibus Emblematum omnium aperta origine, mens auctoris explicatur, & obscura omnia dubiaque illustrantur.* Lugduni Batavorum, 1594.
11. *Anthologia graeca. T. 2: ad Palatini codicis fidem edita.* Lipsiae, 1819.
12. Gil L., Fuentes-Utrilla P., López-Rodríguez R. A. The historical relationship of elms and vines // *Investigación agraria. Sistemas y recursos forestales.* 2004. Vol. 13. № 1. P. 7–15.
13. Gow A.S.F. Antipater of Sidon: Notes and Queries // *The Classical Review.* 1954. Vol. 4. No. 1. P. 1–6.
14. Herder J.G. *Blumen aus der Griechischen Anthologie // Zerstreute Blätter. Sammlung* 1. Gotha, 1785. S. 1–98.
15. *The Greek Anthology. With an English translation by W. R. Paton. In five volumes. Vol. III.* London, New York, 1917.

REFERENCES

1. Batyushkov K.N. *Sochineniya: V 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Vol. 2: *Proza* [Prose]. St. Petersburg, *Tip. V.S. Balasheva Publ.*, 1885. 584 p. (In Russ.)
2. Batyushkov K.N. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad, *Academia Publ.*, 1934. 747 p. (In Russ.)
3. [Batyushkov K.N., Uvarov S.S.] *O grecheskoi antologii* [On the Greek Anthology]. St. Petersburg, *V tip. Departamenta narodnago prosveshcheniya Publ.*, 1820. 44 p. (In Russ.)
4. Zhukovsky V. A. *Sobranie sochinenii. T. 1: Stikhotvoreniya* [Collected Works. Vol. 1: Poems]. Moscow; Leningrad, *Goslitizdat [Leningr. otd-nie] Publ.*, 1959. 480 p. (In Russ.)
5. *Izbrannye epigrammy grecheskoi antologii* [Selected Epigrams from the Greek Anthology]. Transl. from Greek by V. Alekseev. St. Petersburg, *tip. A.S. Suvorina Publ.*, 1896. 167 p. (In Russ.)
6. Kibal'nik S.A. *Antichnaya poeziya v Rossii. XVIII — pervaya polovina XIX veka. Ocherki* [Ancient Poetry in Russia. 18th — First Half of the 19th Century. Essays]. St. Petersburg, *Petropolis Publ.*, 2012. 414 p. (In Russ.)
7. Maikov L.N. *O zhizni i sochineniyakh K. N. Batyushkova* [On the Life and Works of K.N. Batyushkov]. In: *Batyushkov K. N. Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols.]. Vol. 1: *O zhizni i sochineniyakh K. N. Batyushkova. Stikhotvoreniya* [On the Life and Works of K.N. Batyushkov. Poems]. St. Petersburg, *Tip. V. S. Balasheva Publ.*, 1887, pp. 1–360. (In Russ.)
8. *Pisaniya muzhei apostol'skikh* [Writings of the Apostolic Fathers]. Moscow, *Izdatel'skii sovet Russkoi pravoslavnoi tserkvi Publ.*, 2008. 670 p. (In Russ.)
9. *Analecta veterum poetarum graecorum. T. II / Ed. by R.F.P. Brunck.* Argentorati, Typis Ioannis Gothofredi Baueri, 1773. 529 p. (In Lat.)
10. Andreae Alciati V.C. *Emblemata. Cum Claudii Minois Diuionensis ad eadem commentariis. Quibus Emblematum omnium aperta origine, mens auctoris explicatur, & obscura omnia dubiaque illustrantur.* Lugduni Batavorum, Ex officina Plantiniana, 1594. 718 p. (In Lat.)
11. *Anthologia graeca. T. 2: ad Palatini codicis fidem edita.* Lipsiae, Ex officina Caroli Tauchnitii, 1819. 464 p. (In Lat.)
12. Gil L., Fuentes-Utrilla P., López-Rodríguez R.A. The historical relationship of elms and vines. *Investigación agraria. Sistemas y recursos forestales*, 2004, vol. 13, no. 1, pp. 7–15. (In Eng.)

13. Gow A.S.F. Antipater of Sidon: Notes and Queries. *The Classical Review*, 1954, vol. 4, no. 1, pp. 1–6. (In Eng.)
14. Herder J.G. *Blumen aus der Griechischen Anthologie. Zerstreute Blätter. Sammlung 1.* Gotha, Carl Wilhelm Ettinger, 1785, S. 1–98. (In Germ.)
15. *The Greek Anthology. Vol. III.* Trans. by W.R. Paton. London, William Heinemann; New York, G.P. Putnam's Sons, 1916. 464 p. (In Eng. and Grk.)

Поступила в редакцию 23.06.2024

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 23.06.2024

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Дарья Игоревна Мишина — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
dashunchik.mishina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daria I. Mishina — PhD Student, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
dashunchik.mishina@gmail.com